

1. НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

1.1. Философия Победы (К 80-летию Великой Отечественной войны)

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 930.2

DOI: 10.21146/1606-6251-2025-3/4-32-49

Д.И. Дубровский

ОПЕРАЦИЯ «БАГРАТИОН» – ОДНО ИЗ РЕШАЮЩИХ СРАЖЕНИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Операция «Багратион», проведенная в 1944 году, стала одним из решающих сражений Великой Отечественной войны и сыграла ключевую роль в освобождении Белоруссии. Масштаб этой операции сопоставим с битвой под Сталинградом и разгромом немецких войск в Курской дуге. В ходе операции Красная Армия успешно нанесла удары по немецким оборонительным позициям, что привело к освобождению ключевых городов, таких как Минск и Витебск. Важнейшее значение имела способность советских командиров, таких как Константин Рокоссовский и Петр Батов, применять инновационные тактики, что в итоге привело к успешной реализации поставленных стратегических задач. Выделяющиеся моменты операции сопровождалась упорными боями и героизмом солдат.

Широкая координация между различными фронтами и активное взаимодействие с партизанскими отрядами способствовали

Дубровский Давид Израилевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: ddi29@mail.ru

---

увеличению боевой мощи Красной Армии. Итогом операции стало значительное снижение численности немецких войск и создание условий для дальнейшего наступления на Берлин.

Ключевые слова: операция «Багратион», Великая Отечественная война, герои войны, воспоминания ветеранов.

Предисловие. По своему масштабу и значению операция «Багратион» стоит в одном ряду со Сталинградской битвой и разгромом фашистских армий на Курском выступе. В ходе операции в упорных боях была освобождена вся Белоруссия, наши войска вышли на границы Рейха, и его близкий крах был однозначно предreshен.

Немцы сильно укрепили свои оборонительные позиции, так как это направление было для них особенно опасным. Гитлер издал приказ: «Ни шагу назад», и за его исполнением следили специальные эсэсовские подразделения. Поэтому бои носили, как правило, крайне упорный и ожесточенный характер. Мне довелось участвовать в этих боях в составе 11-й гвардейской армии 3-го Белорусского фронта. Согласно приказу, она должна была прорывать немецкую оборону на одном из самых важных направлений, там, где проходила автострада Москва-Минск, и этот участок был особенно сильно укреплен, все подступы к нему густо заминированы, вокруг леса и болота. Трое суток армия штурмовала вражеские позиции. Немцы оборонялись упорно, изобретательно, подтянули эсэсовские танковые дивизии, непрерывно проводили отчаянные контратаки. Лишь немного изменив направление главного удара, в конце третьего дня многополосная немецкая оборона была, наконец, прорвана на всю ее 25-ти километровую глубину, и отборные войска противника были разгромлены. Понятно, что все это стоило больших потерь. В нашей роте, например, осталось не более половины ее начального состава.

Из личных воспоминаний. Мне удалось попасть в действующую армию в 14 лет, но первые полгода я был в тыловых частях. В начале — на санлетучке, подходившей ночью близко к передовой, забиравшей раненых и отвозившей их за 100 километров в г. Рославль, где их распределяли по госпиталям. Но вскоре меня перевели в банно-прачечный отряд, который входил в тот же

полевой армейский эвакуопункт № 57, что и санлетучка. Там меня определили в сапожную мастерскую. Она состояла из шести сравнительно пожилых солдат, чинивших порванную обувь, которую привозили в больших мешках из госпиталей. Пришлось осваивать новую профессию. У меня это хорошо получалось, но я сильно переживал, что вместо бойца стал сапожником. И к тому же, это позорное для меня название «банно-прачечный отряд». Все мои помыслы были о том, как удрать на передовую. Две мои жалкие попытки закончились провалом и позорными наказаниями. Я уже совсем потерял надежду. Но тут судьба повернулась ко мне светлым ликом. Банно-прачечный отряд перебросили на станцию Лиозно, недалеко от Витебска, который еще оставался у немцев.

Мы разместились со всем оборудованием в глухом лесу, километрах в пятнадцати от передовой. Дня через два снарядили команду для помывки солдат и прожарки их одежды. Она располагалась совсем близко к переднему краю, примерно в полутора километрах от него. Я, конечно, был в первых рядах, захватив с собой сапожный инструмент, несколько подметок, набоек и куски кожи для заплаток. Только мы обустроились, как прибыл отряд солдат, человек 30-40 во главе с молоденьким младшим лейтенантом. Пока солдаты мылись, я просмотрел выставленную в ряд обувь и успел починить четыре пары сапог с отвисающими подметками, подвязанными проволокой. Хозяева их сильно обрадовались. И надо же, что одна из них принадлежала младшему лейтенанту. Он просиял от радости, натянул сапоги и приказал всем строиться. У меня был наготове рюкзак с инструментами, я набросил его на плечо и пошел за ними. Стал просить младшего лейтенанта взять меня с собой, мол, почию там всем обувь. Он сказал, что это не положено, взгреют его так, что мало не покажется. Я говорил, что он тут не при чем, что я сам увязался за ними, а он не смог прогнать. В общем, примерно через полчаса я был уже на переднем крае, в блиндаже старшины роты, который обрадовался сапожнику и, узнав откуда я, сразу усадил меня и стал снимать свои сапоги. Тут и я обрадовался, появилась надежда, что не прогонят. У меня в рюкзаке были не только инструменты, но и две пары кожемитовых подметок, набойки, куски кожи для заплаток. Я стал набивать на кирзовые

сапоги старшины новые подметки. А он, посмотрев немного, пошел докладывать командиру роты, что, мол, из банно-прачечного отряда прислали сапожника, который уже взялся за дело.

Наступило утро. Я закончил набивать подметки, оставались набойки. В блиндаж вошел командир роты — высокий, очень красивый мужчина, лет под сорок. Он с некоторым удивлением посмотрел на меня и спросил, сколько мне лет. Я ответил: «уже пятнадцать». Он хотел еще что-то спросить, но тут быстро вошел солдат и сказал, что комбат требует его к телефону. Старшина принес мне котелок перловой каши с американской тушенкой. Подзаправившись, я сел за работу, старшина собрал кучу рваных сапог и ботинок. Я трудился не покладая рук, выходил только на минут пятнадцать покурить и погреться немного на солнышке. Скоро я стал своим парнем в роте, солдаты меня узнавали, по-доброму шутили, со всякими прибаутками. На следующий день после обеда мне принесли хромовые сапоги с двумя новыми кожаными подметками от самого комбата. Это меня воодушевило — крепла надежда остаться в роте. Я старался изо всех сил, чтобы начальству понравилось. А поздно вечером пришел комроты и позвал к себе. Его блиндаж был гораздо просторнее. Посредине — стол с табуретками, вдоль стены широкий топчан, устланный ветками хвои, на них подушки и одеяла. В углу — буржуйка с выведенной трубой, рядом умывальник, на стене висело большое полотенце, а рядом автомат и какая-то картинка. Оборона стояла здесь много месяцев, было время обустроиться. Комроты сказал: «Поживешь пока у меня».

Принесли ужин, мы сели за стол. Комроты расспрашивал откуда я, кто родители, как это мне удалось попасть в действующую армию, ведь был запрещающий приказ. О себе рассказал, что он из Вологды, работал учителем начальной школы, что его сыну тоже недавно исполнилось пятнадцать лет и он чем-то похож на меня, только гораздо выше ростом. Я видел, что комроты проявляет ко мне какие-то особые, похожие на отцовские чувства.

На пятый день, после обеда комроты вызвал меня из блиндажа старшины, где я трудился, и сказал: «Ну все, брат, завтра с утра отправим тебя обратно в твой отряд». Я сильно расстроился и чуть не слезно стал просить его оставить меня. Он сказал: «Это, брат, невозможно, при всем желании. Мы военные люди.

И так мы брали тебя на три дня, а сегодня пятый. А твой начальник орал, что взяли тебя без спросу и он будет жаловаться начальству». Я понял, что просить бесполезно. Этот удар я не мог перенести. Но выкурив три сигареты, все же пошел дошивать заплатку на сапоге.

Однако бывают же в жизни настоящие чудеса! Ночью на передовой все круто изменилось. Прибыло какое-то начальство. Все напряглись, забегали, засуетились. Оказывается, поступил приказ: завтра с утра батальон проводит разведку боем. Комбат болен, возглавить атаку приказано нашему командиру роты, как наиболее опытному и надежному офицеру. Всем стало не до меня, сапожника.

Первый бой. Перед началом атаки комроты приказал мне сидеть в окопе и «не рыпаться», слушать во всем старшину. Рота поднялась в атаку, все дружно бежали вперед, казалось, минута-другая, и они возьмут немецкую траншею. Но тут ударили пулеметы и минометы. Солдатский вал как бы споткнулся, упал один, другой, третий... Командир роты вырвался вперед, и за ним ринулись солдаты. До немецкой траншеи оставалось совсем близко. Бешеный огонь косил бойцов, но я почувствовал: ничто не способно их удержать. Вот уже человек пять прыгнули в траншею. Вот уже почти все скрылись в ее глубине. Прошло несколько минут, и комроты с поднятым автоматом выскочил из окопа, поднимая бойцов на взятие второй траншеи. Поредевшая рота поднялась, пробежала метров тридцать или пятьдесят, и стала прикипать к земле: кто-то навсегда. Ударил наша артиллерия прикрытия, и солдаты стали отползать к первой траншее. Я посчитал: человек пятнадцать остались лежать на месте.

Старшина, наблюдавший все это вместе со мной, горестно выдохнул и матерно выругался. «Щас немец даст жару – сказал он, – нужон боеприпас». Он взял каску и надел ее мне на голову, приказав остававшимся с нами двум солдатам брать обвязанные загодя веревками с большими петлями ящики с патронами и гранатами. Старшина и его помощники взяли по два ящика, а мне дали один. Накинув петлю на плечо, я пополз, еле сдвигая с места тяжеленный ящик, сказывалось неумение ползать.

Так началось мое боевое крещение. Команда во главе со старшиной была уже метрах в тридцати впереди, а мое сердце беше-

но колотилось, пот застилал глаза, каска все время сползала то на глаза, то на бок, надо поправлять, над головой свистели пули. Казалось, я ползу уже целую вечность, но позади — только половина пути. То слева, то справа — убитые и раненые. Совсем рядом один молоденький парнишка, лежа на боку в луже крови, неестественно скрючившись, стонал и звал на помощь. Я остановился, не зная, что делать и как помочь, в полной растерянности от своего бессилия, от смертной муки в глазах паренька. Но тут старшина обернулся и заорал: «Вперед!». И я понял: нет ничего важнее сейчас патронов в моем ящике, и двинулся дальше. К своему стыду, я почувствовал некоторое облегчение, ибо ничем не мог помочь тяжело раненому, а может быть, умирающему солдату. На пути встретился ещё один раненый, с закрытыми глазами, видимо, в полузабытьи, издававший еле слышные стоны. В моей памяти отпечаталось его землистое лицо, приоткрытый рот, из угла которого по щеке медленно текла струйка крови. Сердце мое сжалось от страха и сострадания, но я уже твердо держал в уме, что должен любой ценой, во что бы то ни стало скорее дотащить патроны и, не останавливаясь, прополз мимо.

Самое трудное было еще впереди. Немцы заметили нас и начали прицельно бить из минометов. При каждом близком взрыве я прижимался к земле и замирал, не двигаясь, наверное, дольше, чем нужно. Меня вновь поднял крик старшины: «Вперед, твою мать! Вперед!». Я пополз, не глядя перед собой и не обращая уже внимания на разрывы, в каком-то полусознательном состоянии — будь что будет! — и вскоре чуть не уткнулся лицом в сапоги лежащего передо мной бойца. Это был один из помощников старшины, вместо лица его — сплошная кровавая рана, а рядом — ящик.

«Бери ящик!», — кричит старшина. Я увидел, как он, еле передвигаясь, волочит три ящика. Вырвал из судорожно сжатой руки убитого веревку, накинул петлю на второе плечо и, упираясь изо всех сил раскоряченными ногами, впиваясь пальцами и локтями в землю, пядь за пядью стал продвигаться дальше. Хорошо помню, что, несмотря на сжимающий сердце животный страх, мысль моя работала на удивление ясно. Окоп уже недалеко, но шквал минометного огня нарастает. Свист мины, разрыв. Кажется, вот сейчас — конец. Опять и опять... свист...

разрывы... разрывы... Эта летит прямо на меня... Хлопок! Осколки вспарывают землю и застревают, будто рядом с моей головой. Я остервенело протискиваю свое тело вперед. Окоп близко. Еще секунда-другая и старшина, и ползущий с ним рядом солдат нырнул в окоп. Какой-то боец ползет мне навстречу. Нет, не ко мне. К убитому. А это старшина сваливает свои ящики в траншею и ползет ко мне. Держу веревку, не отдаю ему. Он зло вырывает ее, и мы ползем почти плечом к плечу. Ещё усилие, ещё — и мы сваливаемся в окоп на руки бойцов.

Не успел я отдышаться, как началась немецкая контратака. Резко усилился артиллерийский огонь. Один снаряд попал прямо в окоп метрах в двадцати от меня, разметав на куски тех, кто там был. Твердые комья земли били по голове и плечам. Я сел на корточки, обхватил голову руками и вжался лицом в переднюю стену окопа. Чуть ли не до половины меня засыпало землей. Не знаю, сколько продолжался обстрел, но казалось — вечность. Внезапно стало тише. Оглушенный, я продолжал сидеть на дне окопа, не веря, что цел. Наконец, пришел в себя и увидел, что солдаты, выставили на бруствер автоматы и открыли огонь. Мне стало стыдно, я вскочил, стряхнув с себя землю, схватил автомат, который протянул мне старшина, взяв его, по-моему, у убитого, и я пристроился рядом.

Немцы шли в атаку не густо, но решительно. По ним били наши минометы из глубины обороны. Их косил пулеметный и автоматный огонь, но они продолжали бежать вперед, стреляя на ходу. Я впервые увидел врага в лицо, впервые стрелял в него. Прямо на меня, как будто, бежал здоровенный немец, паля из автомата, как мне казалось, прямо в меня. Я видел только его, воспринимал только его яростную решимость и стрелял, стрелял, не отрывая пальца от курка автомата. Немец упал. И тут мой автомат заглох — что-то заело. Отвлеченный этим, я пропустил момент, когда немцы, не выдержав огня, залегли. «Мой» немец шевелился, он был хорошо виден. Кто его уложил — я или другие — неизвестно, ведь по нему стреляли многие. Он пытался повернуться и ползти назад, но кто-то из наших добил его короткой очередью. Он дернулся и замер.

А уже в следующую секунду на нас обрушился шквал артиллерийского и минометного огня такой силы, что все нырнули на

дно окопа. Это противник давал возможность отступить своим после неудачной атаки. Со временем по свисту мины я научился определять, куда примерно она упадет, этим, наверное, не раз и спасался. Не прошло и получаса, как немцы повторили атаку. Ей предшествовал ещё более мощный и длительный артобстрел. Всё вокруг наших позиций было перепахано, воронка на воронке, окопы наполовину обрушились, вокруг много убитых и раненых. Убит второй помощник старшины. Был убит комвзвода Дима (так называл его командир роты), тот самый младший лейтенант, который привел меня на передовую. Командир роты ранен в предплечье, перевязан, спокойно командует. На этот раз я начал стрелять со всеми.

Атаку отбили с большим трудом. Был момент, когда мне показалось, что все кончено, и сердце схватило холодом. По правому флангу, метрах в пятидесяти от меня, пара немцев добралась-таки до нашего окопа и уже в нем была уничтожена, а за ними лезли другие, их тоже перебили. Наша рота сильно поредела, в строю оставалось, наверное, меньше половины бойцов. Но и немцы понесли очень большие потери.

После второй атаки я насчитал перед нашими позициями человек двадцать убитых, если не больше. Канонада стихла. Старшина ко мне как-то подобрел: «Покурим, Давыдка. Выдохся Фриц». Курим, и он мне говорит: «Палец-то у тебя что-то больно прилипчив. Зачем зря расходуешь боеприпас. Надо коротко, коротко». А ещё один помощник старшины, который ходил в атаку и, может, поэтому остался жив, подошел к нам покурить, все слышал и говорит: «Он же впервой. Не наложил в штаны, и то ладно». Солдатская дружеская поддержка.

Едва стемнело, нам приказали расчищать завалы в окопе саперными лопатками. После такого дня, откуда взять силы? Но человек плохо знает себя. Оказалось, что силы есть. Надо только начать, втянуться, притерпеться и вроде бы ничего — жить можно. А часа через полтора в окоп один за другим, все больше и больше стали спрыгивать наши солдаты. Нам было приказано отправляться в тыл. Я вместе с другим солдатом тащил на плащпалатке раненого, он стонал и матерился. Добравшись до нашего старого и целёхонького окопа, мы, наконец, поели и провалялись в сон.

В этот день я увидел столько смертей и столько крови и мук, что во мне что-то переломилось, я стал другим. Каким? На этот вопрос словами трудно ответить. Но я точно помню, что другим, сильно повзрослевшим.

На рассвете я проснулся от страшного грохота. Такого я больше не слышал никогда. Сотни орудий били по немецкому переднему краю, его бомбили десятки самолетов. Так продолжалось, наверное, больше часа. Потом ударили гвардейские минометы — «Катюши». На немецкой стороне все утонуло в огне и черных клубах дыма. И, наконец, в атаку пошли танки. Как только они миновали захваченную нами немецкую траншею, за ними поднялась пехота.

Началась знаменитая операция «Багратион».

О ходе операции. Герои войны. Теперь я хотел бы рассказать о некоторых личностях, выдающихся командирах, сыгравших первостепенную роль в освобождении Белоруссии. Наверное, здесь на первом плане должно стоять имя маршала Константина Константиновича Рокоссовского, командующего 1-м Белорусским фронтом. Судьба его была сложной. Он побывал в числе репрессированных в 1937 году. Два с половиной года провел в застенках НКВД, подвергался зверским пыткам: ему переломали ребра, выбили девять зубов, молотком били по ногтям ног и даже, чтобы запугать, вывели на расстрел. Однако Рокоссовский не подписал никаких ложных свидетельств ни против себя, ни против других. Потом его все-таки вытащили оттуда, подлечили, восстановили в правах. Это был выдающийся полководец, может быть, самый талантливый, самый благородный командующий фронтом. С первых дней войны он командовал механизированным корпусом, потом армией, которая стояла насмерть и задержала немцев дней на десять в районе Вязьмы-Смоленска. А это имело в тот момент колоссальное значение. Хорошо известна выдающаяся роль 16-й армии под его командованием при обороне Москвы. Он основательно изучал немецкую стратегию и тактику, умел противопоставить ей более эффективные способы обороны или наступления, что редко встречалось тогда у нас на таком уровне.

Наверное, его самый большой успех — это как раз операция «Багратион», освобождение всей Белоруссии. Но у нас редко говорят о том, что её освобождение началось ещё в 1943 году и

руководил этим тогда именно Рокоссовский. После Курска он был командующим Центрального фронта, который по приказу Сталина был 5 октября 1943 г. переименован в *Белорусский фронт*. Ему была поставлена задача прорыва Восточного Вала и наступательных действий на территории Белоруссии, на Гомельском направлении. В результате тяжелых боев, в которых отличились 65-я армия П.И. Батова и 3-я армия А.В. Горбатова (они играли затем ведущую роль и в операции «Багратион»), войска Белорусского фронта под руководством Рокоссовского 10 ноября 1943 г. освободили город Речицу и ряд других небольших городов, а 26 ноября и сам Гомель. К концу ноября, за двадцать дней наступления, войска фронта, нанесли тяжелые поражения противнику, отбросили его на 130 километров, освободив значительную территорию Белоруссии. Этот первый этап освобождения Белоруссии требует специального рассмотрения, в т.ч. в связи с вопросами подготовки и реализации операции «Багратион» [4].

В 1944 г. были образованы три Белорусских фронта. Рокоссовский остался командующим своим, названным теперь 1-м Белорусским, фронтом. Свои выдающиеся качества он проявил ещё на этапе подготовки операции «Багратион». На её обсуждении в Ставке, когда собрались все командующие фронтами, он неожиданно предложил вопреки общему мнению наносить не один, а два главных удара. Хорошо зная местность, он понимал, что в Полесье много болот, которые просто не позволят эффективно развернуть все силы в наступлении. Его предложение было встречено шквалом критики и обвинениями в некомпетентности, в распылении сил, непонимании азов военной теории. Особенно усердствовал Жуков.

Сталин спросил: «Товарищ Рокоссовский, как вы оцениваете эту критику?». Тот ответил: «Товарищ Сталин, я категорически не согласен. Мы все продумали, и я настаиваю на том, чтобы провести два удара». Сталин, помолчав немного, сказал: «Товарищ Рокоссовский, идите, подумайте». Рокоссовский вышел в соседнюю комнату. Через минут тридцать его вызвал Сталин, спросил: «Товарищ Рокоссовский, Вы подумали? Что вы решили?». Ответ был тот же. Сталин медленно прошел несколько шагов туда и обратно и, не скрывая раздражения, сказал: «Идите ещё раз подумайте, подумайте хорошо».

В этот раз Рокоссовского заставили думать дольше. Когда его вызвали, Сталин сурово посмотрел на него и произнес: «Ну что?». Рокоссовский спокойным твердым голосом отвечал: «Товарищ Сталин, я категорически настаиваю на нашем решении, оно продумано, выношено нами. Если вы считаете меня некомпетентным, как здесь говорили, тогда я прошу освободить меня от командования фронтом. У нас другого решения нет».

По сути, это был ультиматум Верховному главнокомандующему. Все замерли. Сталин молча постоял немного, потом медленно прошел по своему обычному «маршруту» туда-сюда, остановился и сказал: «Ну что, товарищи? Если он так настаивает, давайте разрешим ему эти два удара». И не зря! Это была удивительная операция: быстрый прорыв фронта, исключительно успешное наступление, к тому же сохранившее тысячи жизней. С тех пор Сталин стал часто звонить ему, советоваться, прислушивался к его мнению и, что интересно, начал называть его по имени отчеству (этой чести удостоивался только маршал Шапошников).

Рокоссовский умел подбирать людей под стать себе: думающих, творческих. Солдаты и офицеры его любили. Так однажды, приехав с проверкой в дивизию, он дошел до командиров батальона и роты, сидя у костра, он обсуждал с ними, как проходить болота. И один солдат, заправлявший костром, оказался родом из этих мест. Он слышал, о чем идет речь, и рассказал, как они здесь запросто ходят по болоту в плетеных из прутьев больших «лаптях». В них можно легко проходить через любую топь. Рокоссовский спросил, может ли он достать или сделать такие «лапти». Через день солдат принес две пары таких «лаптей». Их передали саперам, и те быстро изготовили их в большом количестве. Благодаря им они построили через топи гати для пехоты, а потом, укладывая толстые стволы деревьев слоями друг на друга, научились делать переправы, по которым могли переезжать через непроходимые участки пушки, грузовики и даже танки. Это сыграло очень важную роль в наступлении, ведь немцы не ждали атаки со стороны непроходимых болот.

Одним из «людей» К.К. Рокоссовского был генерал П.И. Батов, возглавлявший 65-ю армию 1-го Белорусского фронта. Эта армия освободила Бобруйск, захватив 20 тыс. пленных. Батов

умел находить нестандартные решения, активно взаимодействовал с сильными белорусскими партизанскими отрядами.

Конечно, нельзя не вспомнить и генерала А.В. Горбатова, командовавшего 3-й армией того же 1-го Белорусского фронта. Простой русский мужик из деревни, он воевал ещё в гражданскую войну. Без всякого официального образования. Просто очень талантливый, сильный человек, всего добивавшийся упорным трудом, в т.ч. и широкой образованности. В 1937 г. он был командиром дивизии. Как и Рокоссовский, Горбатов пережил чистку. По лживому доносу он был арестован. Ему вменяли, что он шпион и диверсант. А это был кристальной честности человек. Вся его жизнь была отдана Армии и Родине. Его шестнадцать раз (!) пытали самыми жуткими способами. Потом обездвиженного, окровавленного на носилках относили и бросали в камере на бетонный пол. Там сидели другие, такие как он, уже всё подписавшие, ждавшие своей участи. Они уговаривали его: «Подпиши, ты же видишь, что происходит, ещё день, два и они тебя добьют». Он отвечал: «Умру, но не подпишу». И не подписал. Ему дали пятнадцать лет, отправили на Колыму. Там он работал в шахте, заболел цингой, весь опух, чудом выжил, благодаря тому, что лагерный фельдшер проникся к нему добрыми чувствами и сумел положить его на неделю в больницу. Спас его. В конце 1940 г. человек тридцать арестованных и выживших военных освободили, в т.ч. и Горбатова. Поэтому с самого начала войны он уже участвовал в боях, стал командующим дивизией, а потом и армией.

Поскольку это был очень принципиальный и справедливый человек, у него постоянно возникали сложности с карьеристами, с некоторыми политработниками. Известен такой случай. Горбатов встречался с делегацией от шахтеров, приехавшей из недавно освобожденного Донбасса. Они жаловались, что шахты находятся в ужасном состоянии, срочно нужен лес для их ремонта и наращивания добычи угля. На Донбассе леса нет никакого, а части Горбатова как раз находились в лесистой местности. Но в это время действовал строгий запрет на вырубку. Горбатов, понимая жизненную необходимость угля для страны, нарушил запрет, организовал лесозаготовку и отправку нескольких эшелонов леса на Донбасс. Об этом донесли Сталину, Горбатова арестовали. Началось разбирательство. За Горбатова хо-

датайствовал Рокоссовский, многие другие. Кто-то из окружения Сталина объяснил главнокомандующему ситуацию: да, нарушил закон, поступил самовольно, заслуживает наказания. Но он обеспечил Донбасс лесом, там сразу же повысилась добыча угля. Цифры это явно показывали. Это ведь тоже надо учитывать.

Сталин только спросил, был ли личный интерес у Горбатова? Конечно, не было. Тогда Сталин, знавший его ещё по Гражданской войне, иронически сказал: «Горбатова могила исправит». Его сразу выпустили из-под ареста, вернули на фронт, оставили командующим армии, где он проявил себя самым выдающимся образом. Потом, уже после войны, Горбатов издал книгу, где очень правдиво рассказывал о своих мытарствах в застенках НКВД и в Колымских лагерях, а также о начале войны [3].

Возвращаясь к операции «Багратион», хочу отметить, что 2-й Белорусский фронт был вспомогательным, а основная роль была отведена 1-му Белорусскому фронту (под командованием К.К. – Рокоссовского) и 3-му Белорусскому фронту, которым командовал генерал И.Д. Черняховский. Это был талантливейший командир, не зазнавшийся, демократичный в отношении к своим подчиненным. И, кстати, самый молодой из командующих фронтами – на тот момент ему было всего 37 лет.

Совместные действия двух фронтов по окружению немецких войск увенчались успехом, в плен были взяты более 100 тыс. немцев. Это был настолько ошеломляющий успех, что союзники выразили сомнения насчет достоверности этих сведений, так что пришлось устроить знаменитый марш 57 тысяч пленных немцев с их генералами по Москве. Успех операции открывал кратчайший путь наступления на Берлин. Черняховский освобождал Витебск, Минск, Вильнюс, но, к сожалению, погиб самым странным образом в Восточной Пруссии в феврале 1945 г. Одиночный снаряд упал недалеко от места, где проезжал Черняховский. Всего в машине находилось пять человек. От снаряда не пострадал никто, даже автомобиль не был поврежден, но один малый осколок поразил Черняховского. Он был смертельно ранен.

Конечно, героев в 11-й гвардейской армии было много. И в командном составе, и среди солдат. Обо всех рассказать невозможно. Но свой рассказ о героях я хотел бы дополнить именем гвардии рядового Ю.В. Смирнова. Он служил в нашей 11-й гвар-

дейской армии 3-го Белорусского фронта и участвовал в ночном танковом десанте, прорывал оборону немцев. Тяжело раненый, он упал с танка и был захвачен противником в плен. Немцам крайне важно было узнать направление танкового удара, какими силами идет наступление, чтобы успеть срочно организовать оборону. Эту информацию они рассчитывали получить от плененного Смирнова. Его пытали всю ночь, до самого утра. Зверски пытали. И потом его распяли, как Христа. Прибили гвоздями руки и ноги к стене блиндажа. По некоторым сведениям, в допросе участвовал лично генерал-лейтенант Ганс фон Траут. Когда через несколько часов наши ворвались в немецкое расположение, они увидели Смирнова распятым, а на столе лежал протокол допроса, который спешно бежавшие немцы забрать или уничтожить не успели. По этому протоколу было ясно, что он ничего не сказал, не выдал военной тайны. Так что его, в конце концов, искололи штыками и распяли. Посмертно Смирнову было присвоено звание Героя Советского Союза. Это имя нужно помнить.

Продвижение на Запад. Отдельно хочу сказать о нашей 11-й гвардейской армии. Командующий — генерал-полковник Галицкий Кузьма Никитович, Герой Советского союза, талантливый, отважный полководец, замечательный человек, любивший и берегший солдат. Белорусский народ должен сохранить память об этой выдающейся личности. Как уже говорилось, 11-я Гвардейская армия прорывала вражеский фронт на одном из самых укрепленных участков и затем показала высокие образцы наступательных действий при освобождении Орши, Минска, Борисова и потом Молодечно.

У этого последнего города генерал Галицкий со своей 24-й Железной, дважды краснознаменной, дивизией начинал войну с первого её дня. Она стойко оборонялась и не раз контратаковала противника, нанеся за первые три дня ему серьезный ущерб, уничтожив множество танков и несколько сотен солдат и офицеров. А затем в условиях окружения, он со своей героической дивизией прошел по тылам врага почти 500 километров и вышел к своим. Можно сказать, прошел Белоруссию в обратном направлении. Этот героический путь описан в его книге [4].

В передовой статье газеты «Правда» от 10 августа 1941 года о 24-й дивизии говорилось: «Соединение одно из первых приняло

на себя удар германских танковых колонн и отразило его, уничтожив 265 танков. А когда немецкие танковые и моторизованные дивизии, прорвавшись на соседних участках, окружили наше соединение, генерал Галицкий приказал пробиваться на Восток. Дни и ночи шли храбрецы по лесам и болотам Советской Белоруссии, уничтожая немецкие обозы, сея панику, атакая с тыла на вражеские части и штабы. Когда бойцы израсходовали боеприпасы, они «перевооружались» отбитым немецким оружием. Две трети личного состава своего соединения вывел генерал-майор Галицкий из окружения, нанеся врагу значительно большие потери, чем понес сам». [Цит. по: 2, 109-110].

11-я гвардейская армия сыграла в освобождении Белоруссии первостепенную роль. За 43 дня прошла с боями 550 километров, освободила сотни населенных пунктов, разгромила отборные фашистские дивизии группы армий Центр, взяла около 30 тысяч пленных. Она форсировала Березину и Неман, освобождала Литву, одной из первых прорвала оборону в Восточной Пруссии и в ожесточенных боях захватила Гумбинен, Истенбург, ряд других крупных городов. После этого перед ней встала стратегическая задача штурма и взятия города-крепости Кенигсберга, с его знаменитыми фортами и многочисленными оборонительными сооружениями — главного города Восточной Пруссии.

Штурм Кенигсберга начался утром 6 апреля. 11-я гвардейская наступала с южного направления, а 43-я и 50-я армии — с северного и северо-западного. Ставилась задача окружения кенигсбергской группировки войск, которая насчитывала 130 тысяч солдат и офицеров. После тяжелейших боев нашей армии 8 апреля в середине дня удалось соединиться с 43-й армией и замкнуть кольцо окружения кенигсбергского гарнизона. В результате 130-ти тысячная группировка была частично уничтожена, а частично пленена. Наша армия взяла в плен 57640 солдат и офицеров. 9 апреля в 22 часа 45 минут немцы капитулировали. Командующий кенигсбергским гарнизоном генерал Лаш в окружении генералов и старших офицеров в 2 часа ночи прибыл в расположение штаба армии с просьбой дать ему возможность по нашим радиустановкам ещё раз приказать всем своим войскам прекратить сопротивление. Ему предоставили такую возможность.

Немцы стали большими группами сдаваться в плен. Соппротивление всюду прекратилось.

Но на этом боевые действия 11-й гвардейской еще не кончились. Оставалась ещё сильная земландская группировка противника, мощная крепость и порт Пиллау на Балтийском море, имеющий стратегическое значение. По приказу маршала Василевского, который стал командующим 3-го Белорусского фронта после гибели Черняховского, она была переброшена на земландский полуостров в помощь воюющим там частям с задачей освобождения Пиллауского полуострова, города и крепости Пиллау и северной части косы Фрише-Нерунг. 18 апреля была проведена разведка боем, а 20 апреля начато наступление.

Позиции противника были сильно укреплены, продвижение шло медленно, было отбито девять ожесточенных контратак. К 22 апреля противника потеснили на 3 километра. Он подбрасывал все новые подкрепления, перед нашими войсками — система бетонных и бронированных дотов, траншей и противотанковых рвов. Все каменные постройки пригородов Пиллау и самого города были приспособлены для ведения огня из окон и бойниц, пробитых в стенах. Противник постоянно контратаковал. 22 апреля погиб командир 16-го гвардейского корпуса, Герой Советского Союза, генерал-майор С.С. Гурьев. 24 апреля везде велись жесточайшие бои, немцы даже в безвыходных условиях не сдавались в плен. Драконовские меры, принятые Гитлером по отношению к генералу Лашу и всем остальным, сдавшимся в Кенигсберге, заставляли немцев, опасавшихся репрессий, драться до конца.

25 апреля наши части ворвались на окраины Пиллау и к вечеру почти полностью им овладели. Осталась крепость. Глубокой ночью наш десант переправился через пролив и овладел опорным пунктом Нойтиф. Штурмовые группы пробивали дорогу к крепости. Её гарнизон насчитывал порядка тысячи человек. Первый штурм крепости окончился неудачно. Артиллерия вела прямой огонь по крепости, но многометровые кирпичные стены и арочные перекрытия выдерживали попадания снарядов самого крупного калибра. Утром 26 апреля сделали ещё одну попытку взять крепость. Снова неудачно, поскольку велся плотный огонь из десятков разных точек, а подавить его пока не удавалось.

В Москве в 23 часа должны были дать салют в честь освобождения Пиллау. К этому времени крепость должна быть взята, во что бы то ни стало. Готовился последний штурм. К стенам крепости подтянули десятки орудий тяжелых калибров. Они вели сокрушительный огонь. Малые калибры били прямой наводкой по амбразурам. Танки и тяжелые самоходные орудия развалили ворота и баррикады. Сотни гвардейцев, завалив фашинами и досками ров, прорвались к пятиметровым стенам, взобрались на них по приставным лестницам, проникли в проломы. Начался ближний бой с применением гранат и огнеметов. Положение противника становилось безнадежным. Немцам осталось одно — поднять белый флаг. К 22 часам крепость пала, и в Москве прозвучал салют в честь взятия Пиллау.

В течение 26 апреля наши части полностью разгромили группировку противника на северном побережье косы Фрише-Нерунг и, блокировав ее остатки в районе береговых укреплений, продолжали наступление. В течение трех суток части армии вели ожесточенные бои. Как ни ясен был конец фашистской Германии, вражеские войска продолжали упорно сопротивляться. Несмотря на все усилия противника, его войска были разгромлены, и наша армия к часу ночи 1 мая вышла в указанный пункт северо-западнее Брандхайшера и была сменена частями 48-й армии.

Таким образом, приказ маршала Василевского 11-я гвардейская армия выполнила в указанный срок, за 5 суток продвинулась с боями по косе Фрише-Нерунг на 40 километров. После этого ей было приказано сосредоточиться в районе Пиллау-Нойтиф. На этом бои 11-й гвардейской армии в Восточной Пруссии закончились, а вместе с ними и её участие в Великой Отечественной войне. Она внесла достойный вклад в победу над фашистской Германией. Отмечая 80-летие дня Великой Победы, мы должны сохранять светлую память о ней и её героях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галицкий К.Н.* В боях за Восточную Пруссию. — М.: Издательство «Наука», 1970. — 500 с.
2. *Галицкий К.Н.* Годы суровых испытаний. 1941-1944. — М.: Издательство «Наука», 1973. — 601 с.
3. *Горбатов А.В.* Годы и войны. — М.: Военное издательство министерства обороны, 1965. — 384 с.
4. *Рокоссовский К.К.* Воспоминания (без цензуры). Солдатский долг. — М.: Издательство АСТ, 2021. — 448 с.

D.I. Dubrovsky

OPERATION “BAGRATION” - ONE OF THE DECISIVE BATTLES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Dubrovsky David Izrailevich – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow). E-mail: ddi29@mail.ru

Abstract: *Operation “Bagration”, conducted in 1944, was one of the decisive battles of the Great Patriotic War and played a crucial role in the liberation of Belarus. The scale of this operation rivals that of the Battle of Stalingrad and the defeat of German forces at Kursk. During the operation, the Red Army successfully struck German defensive positions, leading to the liberation of key cities such as Minsk and Vitebsk. The ability of Soviet commanders, like Konstantin Rokossovsky and Pyotr Batov, to employ innovative tactics was vital to achieving the strategic objectives set forth. Notable aspects of the operation include the fierce fighting and the heroism of soldiers.*

The broad coordination between various fronts and active collaboration with partisan groups increased the combat power of the Red Army. The outcome of the operation resulted in a significant reduction in the strength of German forces and created conditions for further advances toward Berlin.

Keywords: *Operation “Bagration”, Great Patriotic war, war heroes, memories of veterans.*

REFERENCES

1. Galitskiy K.N. V boyakh za Vostochnuyu Prussiyu. – M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1970. – 500 s.
2. Galitskiy K.N. Gody surovyykh ispytaniy. 1941-1944. – M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1973. – 601 s.
3. Gorbatov A.V. Gody i voyny. – M.: Voennoye izdatel'stvo ministerstva oborony, 1965. – 384 s.
4. Rokossovskiy K.K. Vospominaniya BEZ TSUYeZURY. Soldatskiy dolg. – M.: Izdatel'stvo AST, 2021. – 448 s.

Поступила в редакцию 15.09.2025 г.